

Террористический акт как экстремальная ситуация в обществе рисков

Ю. П. Зинченко, Г. У. Солдатова, Л. А. Шайгерова

Осенью 2001 г. в одной из школ Канады, которая всегда славилась и гордилась своей политикой мультикультурализма и толерантностью к культурным и религиозным различиям, 12-летний мальчик из небольшой монреальской общины сикхов узнал, что у этой толерантности есть границы. Играя во дворе своей школы, он случайно выронил кирпич – небольшой кривой кинжал, религиозный символ, с которым, по обычаю, мужчины-сикхи не имеют права расставаться даже во время сна. После жалоб учащихся директор школы потребовал от мальчика отдать ему нож. Ребенок отказался это сделать. Начиная с этого момента ценность толерантности вступила в длительную борьбу с ценностью безопасности. Приняв вначале компромиссное решение, с которым согласился мальчик и его семья, о том, что ему разрешается носить кирпич, но в плотно зашитом чехле, директор школы под давлением родителей других учеников школы затем изменил его и запретил ношение кирпича. Противостояние между теми, кто руководствовался обеспечением безопасности детей в школах, и теми, кто не хотел приносить в жертву толерантности собственные ценности,

оказалось непримиримым. Согласно опросу, проведенному в провинции Квебек, где находится школа, 60% респондентов высказались за то, чтобы запретить ношение кирпича. Однако когда в 2006 году дело дошло до Верховного суда Канады, суд, ссылаясь на необходимость уважения культурных традиций и принципы религиозной толерантности, провозглашенные в Хартии о правах, постановил разрешить ношение кирпича в школу при условии, что он будет в чехле и спрятан под одеждой. Но Министр юстиции провинции Квебек посчитал, что безопасность важнее свободы вероисповедания, и счел необходимым запретить кирпич в школе. Тяжба продолжилась.

С того момента прошло десять лет, но этот случай постоянно всплывает в выступлениях журналистов, ученых, политиков и спорах обычных граждан Канады – одной из самых спокойных и безопасных стран мира. Почему эта проблема не теряет своей актуальности и до сих пор не находит своего окончательного решения? По всей видимости, в ней нашла отражение трудно решаемая дилемма, вставшая перед всем миром после серии потрясших человечество террористических актов, совершенных той же осенью 2001 г. в

США. Люди задумались: какой выбор сделать – в пользу толерантности к отличающимся «другим» или в пользу безопасности «своих». Этот момент стал поворотным в истории и политике, по крайней мере, одной страны. По мнению аналитиков, он привел к обострению длительного противостояния между двумя фундаментальными демократическими ценностями американского общества: обеспечением безопасности и защитой гражданских свобод (Keum et al., 2005).

На современном этапе развития человечества остро встал ряд вопросов. Неужели всегда нужно делать выбор: толерантность или безопасность? Возможна ли такая ситуация, когда безопасность и толерантность не будут находиться на разных полюсах общественного сознания, в состоянии жесткого противостояния? Возможно ли общество, основанное на ценности толерантности, члены которого будут чувствовать себя в безопасности?

К ответу на эти вопросы можно приблизиться, проанализировав актуальные проблемы современности, связанные с наличием разного рода угроз мирному существованию человечества, наиболее концентрированно сегодня выражающиеся в феномене терроризма.

Феномен терроризма в современном обществе

Войны и вооруженные конфликты имели место на протяжении всей истории человечества. Но XX век стал одним из самых жестоких: массовые акты насилия унесли небывалое число жертв, по некоторым данным, от 170 до 300 миллионов людей. В начале XXI века терроризм стал одним из самых страшных явлений, возникающих в результате преднамеренных действий человека или группы людей, направленных на причинение вреда, нанесение ущерба здоровью и физическое уничтожение других людей. К подобным явлениям относятся также осуществляемые тоталитарными режимами, сектами и экстремистскими группировками вооруженные конфликты, геноцид, войны, преследования по политическим, религиозным, этническим мотивам, дискриминация, захват заложников, то есть ситуации, к которым применим введенный международными организациями термин «организованное насилие».

С конца 1960-х гг. масштабы терроризма начали приобретать угрожающие размеры, а за период с 1986 г. по настоящее время число терактов увеличилось на 50–60%. Одновременно с увеличением числа терактов изменяется их содержание и направленность — они становятся все более жестокими и все чаще угрожающими жизни людей. Так, в 1970-х гг. 80% терактов были направлены против собственности и только 20% — против людей; в 1980-х гг., соответственно, — 50% и 50%; в 1990-х гг. соотношение составило уже 30% и 70% (<http://www.guardanterror.ru>).

Действия террористов, рассматриваемые без учета их идеологических основ, — это преступления, предусмотренные уголовными законодательствами государств: убийства и покушения на убийство, захват заложников, нанесение значительного имущественного ущерба и т. п., в то время как терроризм как целое не сводится к комбинации составляющих его преступлений и представляет собой более опасное явление, угрожающее обществу и государственному порядку как таковому. Поэтому для его осмысления и предупреждения следует применять другие подходы, нежели к обычным криминальным преступлениям.

Криминальный акт, совершенный по идеологическим соображениям, вызывает совершенно иной резонанс в обществе и несет иную степень угрозы государственности, чем те же действия без идеологической подоплеки. В любой стране преступления против личности совершаются ежедневно, однако, за исключением критически высоких уровней преступности, они не угрожают государственной безопасности. Главная цель террористической деятельности состоит как раз в нарушении общественного спокойствия и разрушении государственного устройства. Террористические акты тщательно готовятся, поэтому значительная их часть в той или иной мере достигает своих целей. Террористические группы характеризуются высокой степенью организации. Группировки, находящиеся в разных странах, сотрудничают между собой, координируя свои действия. Выявление причин возникновения терроризма и факторов, обеспечивающих его рост, становится насущной проблемой. Без ее решения все усилия по борьбе с терроризмом обречены на неудачу.

На сегодняшний день проведено большое количество теоретических и эмпирических исследований, связанных с аспектами терроризма (Зинченко, 2007, 2008; Шилко, 2007, 2008; Солдатова, Шайгерова, Шляпников, 2008; Bell, 1978; Caracci, 2002; Hoffman, 1998; Horgan, 2005; Jenkins, 1975, 2001; McCauley, 2002; Perl, 2006; Redlick, 1979; Schmid, 1983; Zinchenko, 2008). Но определение того, что же такое терроризм, продолжает вызывать затруднения. В своей классической книге «Политический терроризм» Алекс Шмид рассматривает 109 определений терроризма и выявляет общие для этих определений элементы. Одна из важнейших отличительных особенностей терроризма, которая объединяет большинство его определений, — это «экстранормальность» террористического акта, направленного против мирных граждан, для которого характерно использование жестоких средств, вызывающих у населения ужас, и произвольность выбора места и времени его совершения, также имеющее целью держать людей в страхе (Schmid, 1983).

Понимание того, что такое «терроризм» и «террорист», часто отражает точку зрения, цели и позицию субъек-

Зинченко Юрий Петрович
доктор психологических наук,
профессор, член-корреспондент РАО,
декан факультета психологии
МГУ им. М.В. Ломоносова,
председатель Совета по психологии
Учебно-методического объединения
(УМО) по классическому
университетскому образованию в РФ,
президент Российского
психологического общества.

Солдатова Галина Уртанбековна
доктор психологических наук,
профессор, член-корреспондент РАО,
заместитель заведующего кафедрой
психологии личности, заместитель
декана факультета психологии
МГУ им. М.В. Ломоносова.

Шайгерова Людмила Анатольевна
кандидат психологических наук,
ведущий научный сотрудник кафедры
методологии факультета психологии
МГУ им. М.В. Ломоносова.

та, дающего определение. Так, Государственный департамент США делает акцент на политической природе феномена, а Министерство юстиции, в первую очередь, принимает во внимание криминальный характер действия, тогда как Министерство национальной безопасности дает его определение через понятие конфликтной ситуации и т. д.

В Российской Федерации принципы противодействия терроризму, основы его профилактики и пути ликвидации последствий установлены Федеральным законом о противодействии терроризму (от 26 февраля 2006 года). Он предусматривает «системность и комплексное использование политических, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер противодействия терроризму» и определяет терроризм как идеологию насилия и практику воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, связанные с устрашением населения и другими формами противоправных насильственных действий (Собрание законодательства РФ, 2006).

Очень важно проводить различие между терроризмом и восстанием или революционными действиями. Многие специалисты считают, что ключевым фактором, различающим их, является то, что терроризм символичен и стремится к подрыву авторитета действующей власти, но не имеет достаточных сил для ее свержения (Hoffman, 1998).

Необходимо учитывать, что обычные критерии успеха неприменимы к действиям, направленным против терроризма. То, что кажется успешным в ближайшее время, может иметь негативные последствия в долгосрочной перспективе и наоборот. Поэтому сложности в предотвращении террористических актов не должны восприниматься только как неудачи в контексте разработки долговременной стратегии борьбы с терроризмом.

Принципиально важным моментом в противодействии терроризму является правильное понимание мотивации террористических организаций. Это сложная задача, так как в начале своей деятельности все националистические и террористические группировки имеют идеальные цели, достижение которых не всегда предполагает применение силовых методов.

Существующие социально-психологические модели повышения эффективности противодействия терроризму различают два уровня воздействия:

- 1) профилактический уровень, на котором проводится анализ условий, способствующих распространению террористической «идеологии» и террористических действий;
- 2) уровень, оптимизирующий средства воздействия непосредственно в ходе конкретного антитеррористического мероприятия.

Понимание природы терроризма и эффективное противодействие ему невозможно без выявления его социального и культурно-исторического контекста. Поэтому необходимо изучать явление терроризма в его взаимосвязи с целым рядом феноменов.

Терроризм и ксенофобия

Связь между изучаемыми феноменами чрезвычайно сложна. Помимо того, что терроризм является высокотравмирующим явлением как для личности, так и для отдельных групп, он имеет еще одно социально-психологическое последствие — это негативное влияние на межгрупповые отношения. Очевидно, что действия террористов основаны на ксенофобии. Террористы стремятся максимизировать насилие против врагов, то есть тех, кто не является одним из них. Они разделяют весь мир на «мы» и «они». В то же время, в результате спонтанных, непродуманных комментариев, преподносимых прессой и официальными представителями структур разных уровней власти, внимание зачастую акцентируется на национальной и религиозной принадлежности террористов, что приводит к генерализации образа террориста в глазах обычных людей и укреплению негативного этнического гетеростереотипа. Постепенно выстраивается цепочка, приводящая к усилению межэтнической напряженности и росту рисков ксенофобии в обществе, например: террорист — чеченец — кавказец — нерусский. К страху общества перед терроризмом присоединяются все более масштабные фобии в отношении групп, которые в общественном сознании ассоциируются с терроризмом, фобии, охватывающие не только людей с уязвимой психикой, но и психически здоровое население, — кавказофобия, этнофобия, мигран-

тофобия и ксенофобия в целом. В США, например, предрассудки, дискриминация и насилие против мусульман и арабов после 11 сентября 2001 года существенно возросли. Примерно треть арабов и половина мусульман чувствовали себя объектом дискриминации в течение 8 месяцев после теракта: мечети и бизнес, которым владели мусульмане, подвергались действиям вандалов, отдельные личности становились жертвами вербального и физического насилия и даже убийств. Государство также держало под прицелом мусульман и арабов, их религиозные и общественные объединения (Padela, Heisler, 2010). Подавляющее большинство представителей мусульманской общины, опрошенных после теракта, отмечали, что им постоянно приходится сталкиваться с такими ситуациями, как усиленный досмотр в аэропорту, оскорбления в собственный адрес, проявления дискриминации. Получили небывалое распространение насилие, унижение, исламофобия. В результате у представителей этих народов часто развиваются депрессия, чувства злости и гнева (Abu-Raiya, Pargament, Mahoney, 2011). Как следствие, мусульмане, испытывающие на себе влияние возросшей дискриминации, становятся жертвами психологического стресса, их уровень доверия принимающей стране неуклонно падает. Это неизбежно приводит к неприятию, враждебности и отчуждению с их стороны, что может стать причиной ответной ксенофобии.

Человек, охваченный ксенофобией, начинает видеть угрозу в представителе любой группы, которую он считает чужой, группы, отличающейся по этническим, религиозным, мировоззренческим признакам. В результате возникает угроза благополучию и здоровью общества в виде националистических движений, таких, как скинхеды, неонацистские группировки, в основе идеологии которых лежит ненависть к людям других рас, вероисповеданий и национальностей. Молодежь, вовлекаемая в эти группировки, оказывается еще одной группой риска, становящейся легкой добычей идеологов неонацизма. Специалисты предупреждают, что, хотя у большинства людей наблюдение за развитием трагических событий вызывает сострадание, соучастие, идентификацию с пострадавшими, нельзя забывать о той

категории, которая склонна к так называемой «идентификации с агрессором». Последняя возникает преимущественно у молодых людей и способна привести к росту преступности (Решетников, 2004).

Таким образом, с одной стороны, терроризм можно рассматривать как порождение ксенофобии, ненависти к чужой группе, а с другой стороны, терроризм сам способствует распространению ксенофобии в обществе и ее усилению.

Вовлечение

в террористическую деятельность: внутренние и внешние условия

У каждого нормального человека в связи с действиями террористов возникает вопрос: как человеческое существо оказывается способным на жесткие проявления по отношению к себе подобным, ни в чем не повинным и, как правило, значительно более слабым по сравнению с ним людям? Ответ на него ищут специалисты — представители гуманитарных наук, так как он имеет большое значение для применения на практике. Во-первых, для воздействия на лиц, уже вовлеченных в террористические группы, например, в ходе ведения переговоров. Во-вторых, для выявления групп, представляющих наибольшие риски вовлечения в террористическую деятельность, а также в целях организации системы диагностики и профилактики.

В течение последних десятилетий было предпринято множество попыток объяснить природу вовлечения людей в террористическую деятельность. Для изучения этого сложнейшего процесса необходима разработка фундаментальной концептуальной базы, опираясь на которую исследователи получили бы возможность эффективно соотносить и координировать различные подходы к проблеме. Очевидно, что проблема вовлечения в террористическую деятельность является мультидисциплинарной, в том числе, психологической. Психологический подход рассматривает в качестве основной причины мотивации терроризма особенности человеческой психики. Согласно ему, террористами используются драматически актуализированные потребности в идентификации определенной части населения, представляющей своего рода группу риска.

Механизмы, запускающие коллективное насилие, изучаются в ряде исследований по социальной и когнитивной психологии, психологии личности. В них предпринимаются попытки понять природу социальных групп, межгрупповых отношений, механизмов и процессов, способствующих совершению насилия, особенно в отношении других групп. Для того чтобы групповое насилие стало возможным, необходимо наличие целого ряда условий:

- 1) возможность координировать коллективные действия;
- 2) способность проводить различия между членами ин-групп и аут-групп;
- 3) тенденция ставить членов ин-группы выше членов аут-группы;
- 4) тенденция не доверять или быть враждебным по отношению к членам аут-группы (ксенофобия);
- 5) способность избирательно игнорировать нормальные эмоциональные реакции, которые препятствуют убийству себе подобных;
- 6) способность добровольно вовлекаться в коллективное насилие (Dugant, 2011).

Анализ внутренних и внешних факторов, причин и условий, способствующих вовлечению граждан в террористическую деятельность, возможностей влияния на эти факторы необходим для создания обоснованной и эффективной государственной системы предупреждения терроризма (Зинченко, Шилко, 2007; Зинченко, 2009).

Многофакторная природа терроризма требует построения модели вовлеченности в террористическую деятельность, которая позволила бы учесть влияние различных факторов на возникновение и развитие данного феномена в обществе. Проанализировав существующие исследования в этой области, мы считаем необходимым рассмотреть следующие факторы:

- культурно-исторический контекст,
- индивидуальные особенности,
- когнитивно-мотивационную сферу,
- социальную ситуацию развития.

В рамках каждого из них можно выделить инициирующие, ингибирующие и катализирующие факторы, которые требуют особого рассмотрения. Мы остановимся только на освещении четырех вышеперечисленных групп факторов в целом, а также обратим внимание на наиболее важные

с точки зрения профилактики террористической деятельности ускоряющие, или катализирующие, факторы.

1. Культурно-исторический контекст

Для понимания мировоззрения террористов, то есть того, как они воспринимают самих себя и окружающий мир, необходимо изучать социальный и культурно-исторический контекст, в котором действуют террористические организации (Сагасси, 2002).

Социальные условия. Терроризм редко возникает только на основе разжигания политических или религиозных розней. Всегда есть более глубокие причины его возникновения. Среди них: социальное неравенство, дискриминация, политическая беспомощность, бедность и депривация, чувство несправедливости и безнадежности. Все они создают внешние условия, способствующие появлению или оживлению террористических групп. Процессы вербовки в группу ИРА свидетельствуют о том, что в основе найма в первичные инстанции террористических групп лежат социально-экономические условия и политические причины.

Фундаментализм. Данный фактор не сводится к простому объяснению террористических актов стремлением к выполнению шариатского закона. Идеологический экстремизм (религиозный или национальный) имеет особую притягательность, потому что, с одной стороны, позволяет вылиться гнев, фрустрации и безнадежности, а с другой — предлагает привлекательное будущее в данной жизни или после смерти. То есть террористы мотивированы как идеологическим, так и человеческим фактором. Даже если террористические группировки образованы не на религиозной основе, они все равно подвержены влиянию экстремистов, которые преподносят себя в качестве божественного авторитета, имеющего право оправдывать и прощать любые действия против человека.

Радикализм. Одним из возможных источников вовлеченности в террористическую активность является радикализм. Не все радикалы становятся террористами, но многие террористы начинали свою деятельность с радикализма. Приоритетной задачей здесь является выявление психологических условий трансформации радикальных политических движений в экстремистские. Радикализм обычно связан с

идеями и представлениями о необходимости кардинального и решительного переустройства существующих социально-политических отношений в обществе. Радикализм предполагает отрицание существующей структуры общественных отношений и выдвижение новой — альтернативной, которая рассматривается как единственно возможная и правильная в сложившейся несправедливой и неприемлемой социально-политической действительности.

2. Индивидуальные особенности

«Портрет террориста» — это то, что мечтали бы получить в свое распоряжение службы безопасности для контртеррористической деятельности, особенно для организации профилактической работы. Основанные, как правило, на статистических данных попытки исследователей составить такой портрет успеха не имели. Например, какой вывод можно сделать из того факта, что террористами чаще всего являются принадлежащие к европеоидной расе мужчины 17–24 лет? Подозревать в принадлежности к террористическим действиям всю эту категорию?

Предпринято также множество попыток поиска специфических черт «личности террориста». Наиболее популярной из них было объяснение поведения террориста с точки зрения психодинамического подхода (Horgan, 2005). В рамках этого подхода отмечаются следующие характеристики, присутствующие у террористов.

Маккиавеллизм. Желание манипулировать как своими жертвами, так и прессой, публикой, властью. Исследователи подчеркивают, что потенциальному террористу достаточно увидеть примеры террористической деятельности других — и его собственная агрессивность возрастает.

Нарциссизм. Терроризм часто рассматривается как специфическая форма нарциссического гнева в контексте нарциссической травмы. Нарциссический гнев выражается через стремление приобрести или удерживать власть посредством унижения других. Нарциссизм может проявляться и через желание защищать одну социальную группу от других, будь то реальный или воспринимаемый враг. Следует отметить, что подобное желание представляет собой один из фундаментальных мотивов, который спо-

собен привлечь к террористическим группам большее количество людей.

Идеализм. Образованные молодые люди могут присоединиться к террористическим группировкам из-за своих искренних политических или религиозных убеждений. Люди, имеющие идеалистические взгляды, более склонны к разочарованию в реальности и, как следствие, к переживанию фрустрации.

Очевидно, что действия террористов основаны на ксенофобии. Террористы стремятся максимизировать насилие против врагов, то есть тех, кто не является одним из них.

Фрагментарная личностная идентичность. Для членов террористических организаций характерно отсутствие целостной личностной идентичности, наличие противоречивых ценностей, взглядов, установок. Такая личность способна далеко зайти в своих преступлениях, она может реагировать на действия служб безопасности и полиции жестокими поступками.

На протяжении десятилетий ведутся споры о том, можно ли рассматривать личность террориста сквозь призму патологии, основываясь на доминировании у террористов определенных личностных черт, или психопатологические категории к ним неприменимы. Точка зрения, допускающая наличие патологии, доминировала в исследованиях более тридцати лет. Она аргументируется, прежде всего, тем, что человек, способный на жестокость по отношению к ни в чем не повинным людям, просто по определению не может быть нормальным (Becker, 1977; Wagenlehner, 1978). В настоящее время, однако, редко кто придерживается этого мнения. Так, исследование, основанное на анализе сотен интервью с участниками и бывшими активистами террористических группировок, не выявило у них каких-либо патологий, соответствующих перечню DSM (Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders) (McCauley, 2002). В Германии было проведено исследование, изучавшее досье на членов группировки Баадер-Мейнхоф. В нем использовался значительный качественный и количественный материал о каждом члене группы — от записей в

роддоме до дошкольных, школьных и университетских оценок, включающий беседы с членами семей, соседями, друзьями, сравнение с контрольной выборкой. Оно также не обнаружило никаких значимых отличий террористов от обычных людей в том, что касается наличия психопатологии.

Тем не менее, попытки выявить какие-то особенности, которые пусть и не позволяют отнести личность тер-

рориста к патологии, но являются характерными для членов террористических группировок, продолжают. Кроме того, они не утратили своей актуальности при анализе личности террористов-одиночек, чье поведение в большей степени опосредствовано их нейрофизиологической организацией. Здесь речь идет, прежде всего, о чрезмерной агрессивности, которая развивается, в том числе, и как реакция на фрустрацию — субъективно невозможную ситуацию удовлетворения важных потребностей. Отмечается также склонность к экстернализации — возложению ответственности за неудачи на внешние обстоятельства, других людей и поиску внешних факторов для объяснения несоответствия собственного поведения объективным предписанным условиям. Некоторыми специалистами выделяется еще ряд индивидуальных особенностей, якобы способствующих вовлеченности в террористическую деятельность.

3. Когнитивно-мотивационная сфера

Террористы редко словесно формулируют ответы на вопросы о соблазнительности и ожидании личных выгод от вступления в террористическое движение. Анализ ответов на эту группу вопросов показывает, что к принятию такого решения их привлекают следующие моменты, на их взгляд, характеризующие будущую деятельность: сила, мощь; высокий статус; чувство товарищества и надежной самоидентификации; наслаждение, «кайф», почти наркотический, сопровождающий радостное возбуждение от принятия новой роли и новой жизни. В отдель-

ных случаях в качестве причины может выступить и прекращение забот о личном финансовом благополучии.

Предпринимаются попытки диагностировать и классифицировать характерные для групп риска способы построения образа мира, самоидентификации, целеполагания, процессы социальной и психологической адаптации. В ряде исследований выделены следующие особенности, характерные для личности, склонной к террористической деятельности:

- 1) преобладание иллюзорно-компенсаторного способа удовлетворения потребностей над деятельностно-созидательным способом;
- 2) направленность на поиск быстрых и окончательных простых решений сложных вопросов;
- 3) упрощенная мифологизация и знаково-символическое опосредствование ведущей деятельности с обязательным акцентом на образе врага;
- 4) искусственная драматизация ситуации;
- 5) манипулятивно снижаемый с помощью специальных психотехник порог агрессивного поведения;
- 6) импульсивность и склонность к немедленным действиям;
- 7) героизация террористической деятельности с неизменным элементом жертвенности;
- 8) примитивность и ригидность картины мира и когнитивных стилей;
- 9) высокая внушаемость;
- 10) специфическое состояние массового сознания и менталитета:
 - «неосвоенная» толерантность, отсутствие стандартов ведения продуктивных переговоров,
 - вера в эффективность насильственных действий и в право на них,
 - «метаморфозы» исторической памяти различных этнических групп, политических партий и т. п.,
 - несформированность адекватных представлений о демократии, в частности, о правах человека,
 - бинарная, архаическая картина мира.

Психологически корректный ответ на вопрос, что мотивирует людей на вовлеченность в террористическую деятельность, может содержать в себе отчасти ответ на вопросы: что они делают (или что им позволено делать) в качестве террористов и как они обретают и поддерживают мотивацион-

ную вовлеченность в террористические мероприятия и действия. Характерной чертой мотивационной сферы террориста является сильная потребность во включенности в группу подобных людей, обеспечивающая процесс самоидентификации.

Поскольку членами террористических групп становятся выходцы из разных социальных слоев общества, мотивация, определяющая их радикально настроенное поведение, достаточно разнообразна (Зинченко, Сурнов, Тхостов, 2007). Мотивационно-ценностной и идейной основой терроризма является внутренняя субъективная убежденность человека в том, что он служит абсолютной, высшей, единственной истине, отсюда — фанатизм и готовность утверждать эту истину любыми средствами. По мере того как террорист проникается идеологией своей организации, он усваивает абсолютистскую риторику. Объекты окружающего мира он видит сквозь призму простых и однозначных характеристик: свои и чужие, правильное и неправильное. Исследователи, интересующиеся глубинной мотивацией террористов, указывают на большую привлекательность ощущения принадлежности к тайной могущественной организации, способствующего успешному решению задачи самоидентификации при сохранении высокого уровня самооценки. При рассмотрении подобных глубинных мотивационных основ вовлечения в террор нередко используется понятие «соблазн». Именно соблазны следует рассматривать как основные источники субъективной привлекательности терроризма. Они могут быть многочисленными и в какой-то степени индивидуализированными, но имеют единую психологическую сущность — когнитивно простое, быстрое и эффективное решение трудных жизненных задач.

Террористами не становятся сразу, в одночасье. Прежде чем стать членом террористической группы, человек часто проходит через утрату смысловых ориентиров, апатию и депрессию, вызванные социальной дезадаптацией.

4. Социальная ситуация развития

Множество исследований, основанных на жизнеописаниях, автобиографиях и анализе жизненного пути будущих террористов, подтверждают влияние на вовлеченность в террори-

стическую деятельность, если применить термин Выготского, «социальной ситуации развития» (Выготский, 1984). Выявлен целый ряд особенностей, характерных для социальной ситуации развития людей, которые стали террористами (Shaw, 1986). Например, членами террористических организаций часто становятся выходцы из неполных семей, люди, которые по тем или иным причинам испытали трудности адаптации к существующим социальным институтам — школе и т. п. Чувство отчуждения, возникающее в подобных ситуациях, становится основой для маргинализации ценностно-смысловой сферы личности человека. Это приводит к трансформации базовой потребности в аффилиции и заставляет человека присоединиться к группе, которая кажется ему родственной, в данном случае террористической группировке.

К особенностям социальной ситуации развития, определяющим формирование личности террориста, исследователи относят следующие:

- преждевременная социализация;
- специфика раннего опыта (пребывание в роли жертвы, пострадавшей от служб безопасности, восприятие себя в качестве жертвы посредством идентификации с группой или сообществом, подвергшимся гонениям и преследованиям);
- влияние общественного мнения внутри релевантной группы на отношение к возможным последствиям вступления в организацию, т. е. соотнесение такого поступка с системой ценностей данного сообщества;
- частая вовлеченность в конфликтные ситуации;
- наличие связей с членами террористических организаций.

Важнейшими факторами, влияющими на развитие будущих террористов, являются семейные и культурные традиции насильственных протестов, которые выступают почвой для радикализации молодого поколения. Школы, религиозные группы и другие социальные институты, где распространены экстремистские взгляды, способствуют появлению террористических групп и помогают процессу вербовки в них. Большая опасность возникновения терроризма имеется там, где годами и поколениями существовала ненависть и вражда между на-

родами, например, как в Северной Ирландии, или в Стране басков, или в южных регионах России.

Специфика социализации в более взрослом возрасте может как способствовать, так и препятствовать формированию личностной готовности индивида к террористической деятельности. Например, многие террористы-смертники оказываются одиночками неженатыми мужчинами, у которых нет обязательств перед семьей и эмоциональных связей с родными людьми. Это обстоятельство, при прочих равных условиях, облегчает задачу вербовщиков.

5. Катализирующие факторы

Еще одна специфическая группа факторов, влияющих на процесс вовлечения индивида в террористическую активность, — это ускоряющие, или «катализирующие», факторы. Как правило, будущий террорист оказывается участником или свидетелем так называемого «события-катализатора» — конкретного драматического происшествия, связанного с проявлением несправедливости, безнаказанным злодейством и т. п. Это событие способствует процессу формирования террориста через его самоидентификацию с безвинно пострадавшими соплеменниками, сотоварищами по социальному классу, родственниками или с самим собой в качестве жертвы другой группы. В автобиографиях террористов отчетливо проявляется закономерность: по мере увеличения степени вовлеченности в террор событие-катализатор становится все более ярким, страшным, драматическим, обрастает художественной и мистической конкретностью, которой оно не имело при изначальных воспроизведениях. Однако было бы ошибкой пытаться обнаружить некие общие, подобные архетипическим образам, события-катализаторы даже для одной группы террористов в качестве несомненных «подталкивающих» факторов.

В качестве таких событий, которые катализируют переход к насилию, могут выступить, например, неадекватные действия правительства в ответ на беспорядки и террористические акты. Так, война испанского правительства против ЕТА оказала отрицательное влияние не только на народы Страны басков, но и на действия террористов во всем мире. Израильское давление на Палестину имело такое же воздей-

ствие на общее усиление террористических настроений. В случае ИРА таким фактором явилось превращение мирных организованных протестов за гражданские права в кровавые беспорядки. Очевидно, что террористы всегда будут искать способы подтолкнуть правительство к неадекватным действиям. Реакции недовольства на эти действия служат основой для вербовки новых членов в террористические группы. Потенциальные террористы обычно просто симпатизируют террористическим группам и их требованиям. От симпатий всего один шаг к пассивной поддержке.

В противодействии терроризму необходимо использовать комплексные методы, направленные на коррекцию идеологии, повышающей риски ксенофобии и препятствующей принятию толерантности как ценностной основы современного общества. Препятствуют вовлечению индивидов, особенно молодежи, в террористическую деятельность следующие факторы:

- обсуждение актуальных социальных проблем, например, занятости молодежи и имущественного неравенства в современном мире;
- уделение особого внимания взаимодействию общества с маргинальными группами (дискуссии о понимании критериев социальных ценностей, соотношения свободы и закона и пр.);
- поддержка системы образования в духе толерантности и культуры мира;
- развитие политической культуры (например, знакомство с возможностями ненасильственных форм решения социальных противоречий);
- целенаправленное формирование позитивных моделей поведения;
- формирование позитивного образа страны.

Терроризм как угроза безопасности общества

С социально-психологической точки зрения, террористический акт относится к особому ряду событий, которые можно классифицировать как ситуации, экстремально опасные для их непосредственных жертв и для общества в целом, ситуации, выходящие за рамки повседневного человеческого опыта. В XX веке с повышением уровня рисков в обществе в ряде наук

усилился интерес к проблематике катастроф и экстремальных ситуаций. В 1950-х годах зародилась математическая теория катастроф (Г. Уитни, Р. Том), в 1960–70-х годах возникла социология катастроф (А. Бартон, Р. Дайнс, Э. Карантелли и др.), занимающаяся изучением катастрофических процессов, поиском возможных способов их предотвращения и минимизации разрушительных воздействий.

С точки зрения психологии катастрофу следует рассматривать в ином ракурсе, нежели в социологии. По мнению психологов, степень катастрофичности события определяется не столько его масштабом для человечества в целом, сколько его воздействием на психику человека. Событие может стать катастрофическим в пределах жизненного пути отдельной личности, расколов его на две части — «до и после» (Хараш, 1996).

Понятие «экстремальная ситуация», наряду с понятием «катастрофа», трудно поддается научному определению. Одна из причин этого в том, что под ней подразумеваются любые события, выходящие за рамки нормальной жизни человека, — от распространенного сегодня так называемого «экстрима» (экстремальных видов спорта и развлечений) до ситуаций, вызванных природными бедствиями или намеренными действиями людей, причиняющими вред человеку или группам людей. В связи с этим проблемное поле психологии экстремальных ситуаций оказывается чрезвычайно широким. В качестве синонимов понятия «экстремальная ситуация» часто используют слова «чрезвычайная ситуация», «стрессовая ситуация», «критическая» или «кризисная» ситуации. В ряде случаев это оправдано, так как все эти ситуации объединяет то, что они содержат в себе опасность для жизни и здоровья человека. Однако если речь идет о научном определении, то это понятие трудно поддается конкретизации. В специальной литературе и в средствах массовой информации в качестве аналогичного часто используется понятие «чрезвычайная» ситуация. Одна и та же ситуация может быть названа и экстремальной, и чрезвычайной. Ситуация, расцениваемая как чрезвычайная для помогающих лиц (спасателей, психологов), является экстремальной для тех людей, которые невольно оказались в ней, поскольку

требует от них максимального напряжения физических и психических ресурсов. Одна и та же ситуация может выступать как чрезвычайная — с позиции общества, государства и как экстремальная — с позиции отдельной личности. С точки зрения жизненного пути личности, подобные ситуации можно назвать также и «критическими» или ситуациями «невозможности», по определению Ф.Е. Василюка. Когда невозможно жить, реализовывать свои потребности, справляться с внешними и внутренними условиями жизнедеятельности (Василюк, 2003).

Наряду с психологией катастроф в настоящее время предпринимаются попытки выделения в самостоятельную отрасль психологии экстремальных ситуаций (Анциферова, 1998; Магомед-Эминов, 2004; Малкина-Пых, 2005; Психология экстремальных ситуаций..., 2007; Хараш, 1996).

В отличие от стихийных бедствий и других неконтролируемых катастрофических событий пережитый теракт может привести к серьезным трансформациям базовых убеждений личности, зачастую необратимым.

Выраженность тех или иных параметров в экстремальной ситуации позволяет провести условные границы между их различными видами. Существующие классификации используют самые разные основания. Важным основанием для классификации, на наш взгляд, может стать специфика чувства контроля — ситуация контролируется самим человеком, не поддается контролю или контролируется другими людьми. Любая экстремальная ситуация может выйти из-под контроля человека, так как уже в самом понятии «экстремальность» заложена возможность превышения человеческих сил. Поэтому при выделении видов экстремальных ситуаций по данному основанию речь идет о контролируемости не самих ситуаций, а причин их возникновения.

В контролируемых ситуациях человек, оказывается, как правило, добровольно. Это ситуации, связанные с профессиональной деятельностью, предъявляющей повышенные требования к человеку, его способностям и воз-

можностям. Сюда же можно отнести экстремальные виды спорта и развлечений. Человек по собственной воле ставит себя в ситуацию повышенного риска, или так называемой надситуативной активности, чтобы пережить необычные физиологические состояния и эмоции, испытать собственные силы и возможности. Выбирая экстремальные виды профессиональной деятельности или увлечений, люди заранее готовят себя физически и психологически к тому, чтобы справляться с возникающими трудностями и возможными последствиями. Высокая потребность в риске, готовность к так называемой надситуативной активности позволяет человеку подниматься над требованиями ситуации, преодолевать внешние и внутренние препятствия на пути к осуществлению своей деятельности, осознанно совершать выбор, который, возможно, приведет

реабилитационных программ, препятствующих развитию у данной категории работников психопатологических последствий.

Неконтролируемые ситуации чаще порождаются случайными событиями. Это ситуации, являющиеся результатом природных катаклизмов (землетрясения, наводнения, ураганы, пожары, сходы лавин), а также возникающие вследствие непреднамеренных действий других людей или выхода из строя оборудования (аварии на производстве и транспорте, авиакатастрофы, техногенные катастрофы, пожары и взрывы на производстве, аварии на атомных электростанциях). Прямых виновников этих ситуаций обычно нет. Отличительная их черта — неподвластность человеку. Такие события, порой грандиозные по своему масштабу, уносят огромное количество человеческих жизней и оставляют глубокий след в памяти многих поколений, особенно в тех местах, где они произошли. Два события такого рода: авария на Чернобыльской атомной электростанции в 1986 году и землетрясение в Армении в 1988 году, — отличались огромным количеством пострадавших, получивших физические и психические травмы, и поставили вопрос о необходимости массового оказания психологической помощи.

В психологической литературе не прекращается обсуждение накопленного тогда опыта, имевших место профессиональных ошибок и отсроченных последствий для людей, переживших эти события. При анализе первого события значительное внимание уделяется воздействию на ликвидаторов чернобыльской аварии так называемого «невидимого» стресса в виде радиационной опасности (Тарабрина, Петрухин, 1994). Вспоминая второе — чаще всего обсуждается вопрос о специфике психологических проблем людей, оказавшихся в этой ситуации, о том, насколько оправданной и эффективной является экстренная психологическая помощь в очаге стихийного бедствия, позволяет ли она предотвратить или уменьшить отсроченные последствия.

Отдельную категорию составляют те ситуации, которые возникают в результате преднамеренных действий человека или группы людей, направленных на причинение вреда, нанесение ущерба здоровью, физическое уничтожение других людей. К ним от-

носятся: вооруженные конфликты, геноцид, войны, преследования по политическим, религиозным, этническим мотивам, дискриминация, моральное притеснение, террористические акты, захват заложников. Любые экстремальные ситуации могут вызвать у попадающих в них людей сходные психофизиологические и поведенческие реакции, эмоции и чувства, однако именно намеренное применение насилия приводит к наиболее глубокому и длительному воздействию на психику пострадавших и их близких.

Террористический акт — одно из самых зловещих воплощений ситуаций такого типа. Несколько лет назад невозможно было представить, что российское общество буквально захлестнет волна террористических актов, поэтому государство и другие структуры оказались безоружными перед лицом этой новой угрозы, не подготовленными к разрешению ситуаций с заложниками и оказанию экстренной и долговременной помощи пострадавшим. Одной из отличительных особенностей этого вида насилия является то, что практически всегда террористы используют в своих личных, политических или социальных целях мирное население. Пытаясь привлечь к себе внимание, добиться устрашения противника, они применяют насилие или угрозы против заведомо более слабых. Современный терроризм включает такие действия, как террористические акты, взрывы, убийства безвинных, захват самолетов.

Сегодня социальные последствия террористических актов и их психологическое воздействие на общество становятся все более значительными, чему в немалой степени способствуют средства массовой информации, вольно или невольно помогающие террористам привлечь внимание к своим действиям и требованиям. По оценке специалистов, теракты в России оказывают сильнейшее воздействие на психическое состояние значительной части населения страны. Так, опрос Фонда «Общественное мнение», проведенный в 40 различных населенных пунктах (от маленьких деревень до крупнейших городов) через месяц после событий в Театральном центре на Дубровке, показал, что почти 70%

опрошенных считали, что следующий теракт произойдет именно в их городе или поселке. Свыше 70% опрошенных испытывали чувство настоящего ужаса, как если бы это произошло с их близкими, коллегами, детьми. По результатам проведенного Отделом клинической психологии Научного центра психического здоровья РАМН опроса 300 москвичей, у которых на Дубровке не было ни родственников, ни знакомых, более чем у четвертой части их были обнаружены симптомы посттравматического стрессового расстройства.

Практика позволяет выявить группы риска, для которых чрезвычайные ситуации и, информация о них представляют большую угрозу, чем для всех остальных. Так, во время событий на Дубровке на базе Центра «Гратис»¹ был организован телефон доверия, куда мог позвонить любой, кто ощущал в данный момент потребность в психологической поддержке. Анализ телефонных звонков позволил выделить круг людей, на которых информация о терактах оказывает наибольшее воздействие. Поступившие звонки были преимущественно от женщин, обладавших сильной склонностью к идентификации с жертвами. Среди звонивших было много пожилых людей, тех, кто прикован к постели или по состоянию здоровья не может надолго отлучаться из дома. Несколько человек отметили, что не смогли заставить себя выйти из дома и не пошли в этот день на работу, сказавшись больными. Еще одна, особая категория звонивших по телефону доверия — это люди, которые попадали в экстремальные ситуации несколько лет назад, в том числе те, кто сам или чьи близкие были в заложниках у террористов. У них под воздействием информации о развитии событий на Дубровке начали проявляться те же симптомы, которые возникли во время или сразу после случившегося с ними, — ощущение беспомощности, ужас, паника, сильная тревога, психосоматические нарушения — головкружение и головная боль, сердцебиение, боль в области сердца и т. д.

Не только сам терроризм, но и объявленная ему война несет угрозу безопасности личности и общества. Опыт Израиля, десятилетиями живу-

щего в условиях войны с терроризмом, показывает, насколько опасна такая ситуация для индивидуальной психики и общественного сознания. Она порождает коллективную травматизацию — патологические деформации коллективного бессознательного и развитие коллективных травматических комплексов, диагностировать и корректировать которые крайне трудно. Согласно концепции о «травмированных обществах», переживших массовую катастрофу, в них происходит ретрансляция травмы из поколения в поколение, родители бессознательно формируют у ребенка идентичность, основанную на травмированном образе «Я» (Volkan, 2003). Каждому из последующих поколений необходимо тем или иным способом отреагировать на исходную травму. Конструктивный вариант отреагирования коллективной травмы основан на механизмах горевания и прощения, а когда это необходимо — на признании своей вины, например, как в послевоенной Германии. Однако отреагирование может быть деструктивным — актуализируется потребность в отмщении за понесенные жертвы и утраты, что порождает экстремизм и межнациональные конфликты. Автор данной концепции объясняет также, как коллективная травма влияет на процессы консолидации социальной группы. Он называет соответствующий механизм «избранной травмой» («chosen trauma»). Под этим он понимает особый менталитет травмированного общества, когда в основе идентичности лежит память о трагедии предков, которая по каким-то причинам не прошла через нормальный процесс горевания: «некое событие заставляет большую группу людей <...> почувствовать себя беспомощной жертвой другой группы, испытать унижение от обиды или причиненного вреда. Травмированная таким образом группа избирает путь психологизации и мифологизации «рокового» для нее события. Она как бы встраивает его образ в самую основу своей идентичности, и сопутствовавшие ему чувства боли и позора передаются в нации от поколения к поколению в качестве маркера ее этнической идентичности. И с того момента, как реальная травма трансфор-

¹ Научно-практический центр психологической помощи, организованный на базе кафедры психологии личности факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова (Асмолов А.Г., Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А.).

мировалась в «избранную травму», подлинные исторические факты перестают играть какую-либо роль. Сохраняет значение лишь их психологическое преломление в качестве центрального стержня чувства этнической общности» (Волкан, Оболонский, 1992, с. 41). Именно этот механизм используют лидеры экстремистских организаций в кризисных ситуациях, направляя социальную активность в деструктивное русло (Volkan, 1997, 2000).

Исследование, проведенное нами в Беслане спустя год после теракта 2004 года, подтвердило предположение о влиянии теракта не только на психическое состояние непосредственно пострадавших и их близких, но и на всех без исключения жителей небольшого города (Солдатова, Шайгерова, Шляпников, 2008). В зависимости от индивидуальных характеристик и от степени вовлеченности, это событие по-разному сказалось на психическом состоянии разных категорий населения. Дети и взрослые – бывшие заложники, потерявшие близких, другие жители, не затронутые непосредственно терактом, – в разных формах отреагировали на перенесенный экстремальный жизненный опыт. Большинство опрошенных на декларированном уровне оценивали свое состояние как психологически комфортное, демонстрируя позитивные эмоции – бодрость, силу, мужество, а на глубинном, неосознаваемом уровне у них сформировался эмоциональный комплекс враждебности, направленный у взрослых – на внешнее окружение, а у детей – на самих себя. В силу специфики социальной ситуации, сложившейся в Беслане, процесс переживания трагедии принял деформированно-затяжной характер. У большинства пострадавших наблюдался рост уровня тревожности, причем не только ситуативной, но и личностной. У бывших заложников это нашло свой выход в повышенном уровне агрессии, а у тех, кто потерял близких, трансформировалось в депрессивную симптоматику. Совокупность выявленных у взросло-го населения реакций гнева, отвращения и презрения образовала сложный когнитивно-аффективный комплекс, который определяется в психологии как комплекс враждебности (Изард, 2003). Зарождающаяся на эмоциональном уровне враждебность, в свою

очередь, может стать одной из главных детерминант агрессивного поведения и ксенофобии.

Масштаб и характер теракта обусловил трансформацию базовых убеждений и картины мира у всего населения города. Из трех базовых убеждений, лежащих в основе представлений о себе, мире и окружающих людях, трансформировались два, связанные с отношением к миру и окружающим людям, – «доброта мира» и «осмысленность мира». Было разрушено базовое доверие к другим, что также способствует повышению рисков проявлений ксенофобии.

Террористический акт как угроза безопасности личности

Трудно переоценить силу воздействия террористических актов на все общество, однако специалистам, работающим с людьми, ставшими жертвами организованного насилия, необходимо, в первую очередь, понимать его психологические последствия для людей, непосредственно пострадавших в таких ситуациях, и их близких (Зинченко, 2007; Zinchenko, 2008).

Все экстремально опасные ситуации, в которые человек попадает не по собственной воле, имеют ряд общих характеристик, которые определяют их универсальным сущностным признаком – фактором опасности, создающим угрозу для здоровья и жизни людей и оказывающим воздействие на психику человека. Опираясь на результаты исследований различных авторов (Солдатова, Шайгерова, Калиненко, Кравцова, 2002; Atkinson, Atkinson, Hilgard, 1983; Everstine, Everstine, 1993; Kahana, Kahana, Harel, Rosner, 1988), мы выделили следующие характеристики таких событий:

- враждебность ситуации (угроза жизни, физической и психической целостности самого человека или его близких),
- неожиданность и интенсивность негативных воздействий,
- продолжительность негативных воздействий,
- неопределенность ситуации (ее непредсказуемость, многозначность),
- невозможность контроля над ситуацией (происходящее совершается против воли человека),
- недостаток социальной поддержки,
- несовместимость нового опыта с привычной реальностью,

- невозможность рационального объяснения происходящего,
- горе и утрата.

Чем больше вышеперечисленных параметров соответствуют конкретной экстремальной ситуации, тем большую опасность она представляет для личности. Любые экстремальные ситуации, возникающие по вине природной стихии или в результате непреднамеренных действий человека, могут вызвать у попадающих в них людей сходные психофизиологические и поведенческие реакции, эмоции и чувства. Но намеренное применение насилия, в том числе, террористические акты, связанные с захватом и гибелью заложников, приводит к наиболее глубокому и длительному воздействию на психику пострадавших, их близких и общество в целом.

В экстремальной ситуации граница между нормой и патологией становится менее определенной и размытой. То, что в обычных жизненных обстоятельствах следует трактовать как нарушения психического здоровья, в трагической и неординарной ситуации может представлять нормальную реакцию на ненормальные обстоятельства. Возникающие в этом случае расстройства психики можно рассматривать как пограничные состояния – слабые, стертые формы нервно-психических расстройств, находящиеся между психическим здоровьем и выраженной патологией. К пограничным состояниям такого рода относят расстройства двух типов. Во-первых, это психогенные расстройства, возникающие под влиянием либо одномоментных, либо продолжительных психических травм и выражающиеся в готовности к психическому срыву. Во-вторых, обостряющиеся под влиянием негативных обстоятельств психопатии – патологии характера, при которых наблюдается практически необратимая выраженность свойств, препятствующая адекватной адаптации человека в социальной среде (Гиндикин, 1997). То есть возникновению психических расстройств у пострадавших могут способствовать как внешние условия, нарушающие привычную жизнедеятельность человека, так и внутренняя (индивидуально-личностная) предрасположенность. Жизненные обстоятельства могут стать толчком к возникновению расстройства, а пограничная личностная

организация выполняет роль «патогенной почвы» для превращения временных расстройств в хронические нарушения (Соколова, 2001). Примером служит обострение акцентуаций (неклинических форм психопатий), когда выраженность определенных черт в структуре характера под влиянием особого рода психических травм или трудных ситуаций приобретает статус серьезной психологической проблемы.

Нарушения психического здоровья, возникающие у переживших экстремальные ситуации, разнообразны и затрагивают практически все сферы личности. Наиболее распространены и типичными являются депрессии, суицидальные тенденции, тревожные расстройства и страхи. Они могут быть разной степени тяжести, иметь разные причины и проявления. Психологическая помощь чрезвычайно важна и актуальна при расстройствах невротического уровня, не имеющих в своей основе органических нарушений, но причиняющих человеку большие страдания.

В отличие от стихийных бедствий и других неконтролируемых катастрофических событий пережитый теракт может привести к серьезным трансформациям базовых убеждений личности, зачастую необратимым. Если, став жертвой неконтролируемых бедствий, человек начинает ставить под сомнение справедливость мира и возможность самому контролировать собственную жизнь, то насильственные действия, совершенные другими людьми, приводят его к потере убеждений, связанных с верой в доброту и благосклонность других людей. Человек, ставший жертвой насильственных действий, часто бывает не способен на протяжении последующей жизни устанавливать гармоничные отношения с другими людьми — строить нормальную семью, поддерживать дружбу. А это создает условия для развития новых рисков ксенофобии в обществе.

Исследования психического состояния пострадавших и практика оказания им помощи убедительно доказывают необходимость организованной системы психологической помощи, включающей создание специализированных центров, телефонов доверия, подготовку квалифицированных специалистов в этой области.

Методы повышения безопасности и управления рисками ксенофобии

Учитывая комплексность и многоуровневость феномена психологической безопасности, для ее повышения необходимо применять методы и технологии на самых разных уровнях. Не претендуя на всю полноту описания методов, техник и технологий, представим возможную схему комплекса мер повышения психологической безопасности на уровне отдельной личности, группы и общества.

Индивидуальные методы повышения психологической безопасности

Оказание психологической помощи пострадавшим в экстремальных ситуациях имеет свою специфику как по сравнению с другими видами помощи, так и по сравнению с повседневной психологической практикой. Если гуманитарную, материальную, социальную помощь пострадавшие воспринимают как необходимую и естественную, то психологическая помощь для многих людей является неожиданной и вызывает у них определенные опасения. В отличие от клиента обычной психологической практики пострадавший в экстремальной ситуации не мотивирован на психологическую помощь. В тяжелых условиях, прямо в очаге событий или сразу после них психолог должен создать условия для того, чтобы пострадавший мог почувствовать себя рядом с ним в безопасности, довериться, выговориться.

Сам подход к оказанию психологической помощи пережившим экстремальный опыт должен быть принципиально иным по сравнению с психологической помощью «обычным» клиентам. М.Ш. Магомед-Эминов приводит в своей работе очень показательный в этом отношении пример из практики американских психотерапевтов. Вернувшиеся с вьетнамской войны солдаты не только оказались изгоями в своем обществе, но и не нашли понимания у психотерапевтов, к которым обращались за помощью. Психотерапевты пытались интерпретировать ночные кошмары о войне и посттравматические реакции с точки зрения классического психоанализа, связывая психические нарушения вьетнамских ветеранов с детскими травмами, сексуальными проблемами. Подобная интерпретация приводила в

ярость людей, переживших войну, и попытки оказать им психотерапевтическую помощь традиционными методами на первых порах потерпели полный провал. Лишь со временем были найдены пути оказания помощи таким людям. Например, были созданы рэп-группы, в которых пострадавшие выговариваются о наболевшем. Активность в этих группах делегируется пострадавшим, а психологи лишь создают атмосферу для их самовыражения (Магомед-Эминов, 2001).

Психическое состояние и солдат, которым самим приходилось убивать других людей, и ни в чем не повинных жертв теракта оказывается сходным в том, что они пережили трансординарный опыт — опыт, выходящий за рамки обыденного сознания, опыт, с которым в своей жизни столкнулись лишь немногие люди. Психолог, оказывающий помощь таким пострадавшим, всегда должен помнить, что перед ним человек, переживший потрясение личности, а не просто повседневный стресс, или, по выражению Магомед-Эминова, столкнувшийся с проблемой бытия, а не с бытовой проблемой.

В зоне бедствия психолог неминуемо столкнется с амбивалентным отношением со стороны населения. С одной стороны, пострадавшим необходимо выговориться, поделиться своими страхами и тревогами, для этого психолог — человек со стороны — является идеальным адресатом. Но с другой стороны, в ситуации, когда у пострадавшего подорвано доверие к людям вообще, то и к психологу он чувствует недоверие, настороженность и отчужденность. Такое отношение к постороннему человеку, пытающемуся «заглянуть в душу», вполне понятно — пострадавшие опасаются того, что психологи, как и другие помогающие, могут руководствоваться некими скрытыми мотивами, а не стремлением действительно оказать помощь. Таким скрытым мотивом может быть, например, стремление успокоить, «убаюкать» людей, чтобы не допустить выхода ситуации из-под контроля властей (Хараш, 1996).

Важно рассмотреть еще одну сферу — сферу взаимоотношения пострадавших с окружением в целом. Конфронтация между пострадавшим и его окружением может быть охарактеризована как особая форма конфликта —

смысловой конфликт, то есть конфликт в духовной жизни пострадавшего, и индукция этого конфликта на «обычных» людей (Magomed-Eminov, 1997). Пострадавший в экстремальной ситуации считает, что человек, который никогда не был в подобных обстоятельствах, не способен понять его чувства, состояния, переживания, поэтому порой даже близкие ему люди не могут «достучаться» до травмированной души.

На современном этапе развития науки при разработке мер обеспечения психологической безопасности необходимо предпринимать попытки использования принципиально новых методов, таких, как технология виртуальной реальности. Такого рода методы, наряду с уже апробированными и хорошо зарекомендовавшими себя, могут применяться для коррекции фобий и тревожности у пострадавших, например, освобожденных заложников и их близких; для развития психологической устойчивости и толерантности к неопределенности у помогающего персонала — спасателей и военных, участвующих в операциях.

Групповые методы повышения психологической устойчивости

К таким методам относятся, в первую очередь, групповые тренинги, направленные на формирование толерантности, профилактику различных социальных фобий, в частности, ксенофобии и мигрантофобии. Применение данных технологий особенно эффективно в подростковых группах. Оно позволяет не только формировать и развивать толерантные установки по отношению к другим группам, но и повышать уровень собственной психологической безопасности, позволяя преодолевать страхи, социальные фобии, развивая психологическую устойчивость. Серия таких тренингов была разработана, прошла успешную апробацию и успешно применяется во многих регионах России (Солдатова, Шайгерова, Шарова, 2001; Солдатова, Шайгерова, Макачук, Хухлаев, Щепина, 2002; Солдатова, Шайгерова, Макачук, Щепина, Лютая, 2004; Солдатова, Макачук, 2006).

Меры повышения психологической безопасности на уровне общества и государства

Неожиданность, случайность падения в экстремально опасные си-

туации не только оказывает воздействие на психику пострадавших, но и становится важнейшей причиной конфликта между пострадавшими и структурами, не сумевшими предотвратить эти ситуации. Это особенно остро проявляется в ситуациях, связанных с захватом заложников террористами. При оказании помощи спасатель, врач или психолог должен быть готов к сильным и порой непредсказуемым реакциям со стороны пострадавших.

В отношении обеспечения безопасности интересы людей, являющихся жертвами событий, и властей, пытающихся разрешить ситуацию, порой оказываются диаметрально противоположными, и «именно в кризисе института добровольности коренятся причины, по которым взаимодействие властей с пострадавшим населением принимает столь патологические и фрустрирующие формы. Одно дело, когда я сам подвергаю свою жизнь опасности, и совсем иное дело, когда кто-то другой принимает решение рискнуть моей жизнью и здоровьем во имя прогресса, государственных интересов, борьбы с терроризмом» (Хараш, 1996). Часто те, от кого зависит принятие решения в экстремальных ситуациях, применяют «некий принцип “допустимых жертв”, основывающийся на законе больших чисел, но никто не желает укладывать свою живую плоть в отвлеченную статистику. Каждый бы предпочел, чтобы к нему применялся швейцарский принцип благоговения перед жизнью» (Хараш, 1996, с. 112–113). Поэтому в подобной ситуации конфликт властей и населения практически неизбежен, и даже по прошествии времени, когда притупляется острота восприятия травмирующего фактора, непрекращающиеся «успокоительные» манипуляции органов управления сохраняют свое психотравматическое действие, обособившись от травматической ситуации и превращаясь в самостоятельный фактор, усугубляющий последствия экстремальной ситуации.

За последнее время помогающими службами и спасательными структурами в России был накоплен немалый опыт по преодолению последствий терактов. Однако терроризм начинает приобретать новые формы, пугая своими масштабами и жестокостью и ставя все более сложные задачи перед по-

могающими службами. Одна из них — это разработка специальных методов оценки ситуации и практических мер по реабилитации пострадавших. При этом следует учитывать возможные отдаленные последствия этих мер в зависимости от типа ситуации. Несколько лет назад был поднят вопрос о необходимости проведения гуманитарной экспертизы экстремальных ситуаций, которая призвана предотвратить возможные конфликты, разработать альтернативные сценарии выхода из кризисной ситуации — в категориях, отличных от тех, которыми оперирует обыденный здравый смысл. Проводить такую экспертизу необходимо с позиций образа мыслей и действий человека, попавшего в беду, который руководствуется собственными интересами, а не с позиций эксперта, работающего для других. Предметом гуманитарной экспертизы служат устойчивые, глубинные образования мотивационной сферы человека, в наименьшей степени подверженные изменениям под действием окружающей среды. Поскольку речь идет о больших группах людей, то предмет гуманитарной экспертизы можно обозначить как общественную потребность, взятую в развитии и динамике. На основании данных социологических опросов выделены качественные компоненты общественной потребности: фактор комфорта (человек испытывает те или иные неудобства) и фактор выживания (под угрозой жизнь и здоровье человека). Такое разграничение дает надежные основания для того, чтобы относить опасности к тому или иному классу и соответствующим образом на них реагировать — оценивать последствия для населения, вырабатывать практические меры по реабилитации пострадавших (Хараш, 1996).

Важнейшая роль в сохранении и поддержании чувства психологической безопасности пострадавших отводится социальной поддержке. Под социальной поддержкой понимаются взаимоотношения с ближайшим окружением (семьей, друзьями, коллегами и другими людьми), помогающие пережить кризисную жизненную ситуацию. Социальная поддержка очень значима для людей, поскольку удовлетворяет жизненно важную потребность в эмоциональной привязанности, а значит — обеспечивает защиту от чувства беспомощности и потери

смысла. Для переживших травму значение этого фактора особенно велико, поэтому специалисты называют социальную поддержку «травматической мембраной». Доказано, что дети быстро восстанавливаются после травмы, если имеют надежную поддержку в семье (Макфарлейн, ван дер Колк, 2003).

Социальная поддержка имеет следующие виды: эмоциональная, мотивационная, инструментальная (помощь в поведении) и информационная (обеспечение информацией) (Wills, 1987). Отсутствие любого из этих видов поддержки может негативно отразиться на психическом здоровье. Нормативным элементом социальной поддержки является взаимность и определенные обязательства — если человек сам не оказывает ее, то он, чаще всего, ее и не получает. М. Аргайл считает, что социальная поддержка снижает воздействие тяжелых ситуаций на психическое здоровье личности, способствуя росту самооценки и уверенности в себе, предотвращая развитие депрессии и тревожности, формируя уверенность в такой поддержке в будущем и делая человека менее восприимчивым к стрессовым воздействиям (Аргайл, 1990). Недостаток социальной поддержки, напротив, оказывает негативное влияние на психическое здоровье и может даже стимулировать возникновение психиатрических симптомов.

Оказание поддержки пережившим экстремальную ситуацию — непростая задача. Травматический опыт нарушает уверенность в контроле над собственной жизнью, представление об устойчивости и предсказуемости мира. Поэтому окружающим так нелегко признать такой опыт, а это — одно из важных условий поддержки прошедших через травму людей. Дж. Херман так описывает внутренний конфликт, связанный со свидетельством травмы: «исследовать психическую травму — значит, сталкиваться лицом к лицу как с уязвимостью человека в реальном мире, так и со злом, присутствующим в природе человека. Исследовать психологическую травму означает быть свидетелем ужасных событий. Когда травматические события являются делом рук человеческих, свидетели захвачены конфликтом между жертвой и преступником. Невозможно оставаться нейтральным к этому конфлик-

ту. Свидетель вынужден принять чью-либо сторону. Весьма соблазнительно встать на сторону преступника. Все, чего просит преступник, — чтобы наблюдатель ничего не делал. Он апеллирует к свойственному всем желанию не видеть, не слышать и не говорить ничего злого. Напротив, жертва просит свидетеля разделить бремя боли. Жертва требует действия, вовлеченности, активной памяти...» (Макфарлейн, ван дер Колк, 2003, с. 11–12). В силу этих психологических трудностей даже близкие люди часто не могут предоставить необходимую поддержку человеку, пережившему травму. Поэтому так важны профессиональные общественные институты, специализирующиеся на реабилитации людей, переживших экстремальные ситуации.

Проблема социальной поддержки осложняется дилеммой ответственности. Социальная поддержка не будет эффективна при отсутствии внутреннего контроля. В этом случае она может оказаться препятствием на пути к выздоровлению, поскольку травма ослабляет внутренний контроль, и избыточная социальная поддержка может угрожать восстановлению чувства самоэффективности. Такая поддержка должна, прежде всего, усилить мотивацию пострадавшего снова начать управлять собственной жизнью. Эффективность поддержки зависит от многих личностных факторов, но в первую очередь — от того, насколько сам помогающий человек способен справиться с тяжелым опытом. Если люди «принимают реальность своих ран и страданий и принимают собственную боль, то это перерастает в терпимость и сочувствие к другим. Напротив, если люди отрицают влияние собственной травмы и притворяются, что ничего страшного в их жизни не произошло <...> и, хуже того, если они идентифицируют себя с агрессором, то и с другими они будут обращаться с той же жестокостью, с какой обходятся с собственными ранами» (Макфарлейн, ван дер Колк, 2003, с. 19).

Позитивные межличностные взаимоотношения, наиболее значимы из которых семейные, уменьшают последствия стресса. Поддержка всегда более успешна, если ее оказывает человек, с которым существуют взаимные доверительные отношения. Неудовлетворенность потребности в дру-

жеских связях порождает тревогу и озабоченность, дополняя комплекс причин возникновения депрессии.

Одним из направлений долгосрочной помощи после теракта должна стать работа, направленная на снижение уровня тревожности и укрепление чувства психологической безопасности у всего населения. До определенной степени рост уровня тревоги можно рассматривать как нормальную реакцию в ситуации повышенного риска, но длительное пребывание в состоянии тревоги препятствует восстановлению после травмы и способствует развитию стойких расстройств психики. Поэтому важной задачей является предотвращение перехода нормальной защитной реакции человеческой психики в невротическую тревогу. Важно, чтобы формирование психологической безопасности всегда подкреплялось реальными мерами по укреплению этой безопасности. В то же время, сама по себе психологическая безопасность в критических ситуациях поможет справиться со страхом и тревогой, дезорганизуя поведение.

Осознание сути этих феноменов имеет важное практическое значение для организации эффективной психологической и любой другой помощи пережившим экстремальную ситуацию.

Список литературы:

1. Анцыферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. — 1994. — №1. — С. 3–16.
2. Аргайл М. Психология счастья. — М.: Прогресс, 1990.
3. Асмолов А.Г. Психология личности. — М.: Изд-во МГУ, 1990. — 367 с.
4. Васильюк Ф.Е. Методологический анализ в психологии. — М.: Смысл, МГППУ, 2003.
5. Волкан В., Оболонский А. Национальные проблемы глазами психоаналитика с психологическим комментарием // Общественные науки и современность. — 1992. — №6. — С. 31–48.
6. Выготский Л. Собрание сочинений. — Т. 6. — М., 1983.
7. Гиндикин В.Я. Лексикон малой психиатрии (в клинике пограничных психических расстройств). — М.: Крон-Пресс, 1997.
8. Зинченко Ю.П. Методологический анализ причин и условий, способствующих вовлечению в террористическую деятельность // Материалы IV Международной научной конференции по проблемам безопасности и противодействия терроризму. МГУ им. М.В. Ломоносова, 30–31 ок-

- тября 2008 г. – Т. 1. Материалы пленарных заседаний. – М.: МЦНМО, 2009. – С. 381–388
9. Зинченко Ю.П. Психологический портрет терроризма: истоки терроризма как социальной формы идентичности // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2007. – №4. – С. 3–7.
 10. Зинченко Ю.П., Сурнов К.Г., Тхостов А.Ш. Мотивация терроризма // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2007. – №2. – С. 20–34.
 11. Зинченко Ю.П., Шилко Р.С. Выявление групп риска, представляющих ресурсы развития терроризма, и обоснование принципов антитеррористической деятельности на этом направлении // Современный терроризм и борьба с ним: социально-гуманитарные измерения / С.А. Афонин и др.; под ред. В.В. Ященко. – М.: МЦНМО, 2007. – С. 35–52.
 12. Зинченко Ю.П., Шилко Р.С. Психологические аспекты информационной безопасности и противодействия терроризму посредством медиа // Информационная и психологическая безопасность в СМИ: В 2-х т. – Т. 2 Феномен «разорванной коммуникации»: Сб. статей / Под ред. Я.Н. Засурского, Ю.П. Зинченко, Л.В. Матвеевой, Е.Л. Вартаковой, А.И. Подольского. – М.: Аспект Пресс, 2008. – С. 199–226.
 13. Изард К.Э. Психология эмоций. – СПб: Питер, 2003.
 14. Лебедев В.И. Личность в экстремальных ситуациях. – М., 1989.
 15. Магомед-Эминов М.Ш. Экстремальная психология. – М.: Инсайт, 2004.
 16. Магомед-Эминов М.Ш. Психопатология смысла. Психологи о мигрантах и миграции в России // Информационно-аналитический бюллетень. – 2001. – №2. – С. 44–63.
 17. Макфарлейн А., Колк ван дер Б. Травма и ее вызов обществу // МПЖ. – 2003. – 1 (36). – с. 7–30.
 18. Малкина-Пых И.Г. Экстремальные ситуации. – М.: Эксмо, 2005.
 19. Петровский В.А. Человек над ситуацией. – М.: Смысл, 2010.
 20. Петровский В.А. Психология неадаптивной активности. – М.: ТОО «Горбунок», 1992.
 21. Психология экстремальных ситуаций для спасателей и пожарных / Под общей ред. Ю.С. Шойгу. – М.: Смысл, 2007.
 22. Решетников М.М. Особенности состояния, поведения и деятельности людей в экстремальных ситуациях с витальной угрозой // Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора / Под ред. М.М. Решетникова. – СПб: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2004.
 23. Собрание законодательства РФ. 13.03.2006. №11, ст. 1146.
 24. Соколова Е.Т. Модели психологической помощи вынужденным мигрантам в контексте проблематики насилия и расстройств самоидентичности // Психологи о мигрантах и миграции в России: Информационно-аналитический бюллетень. – 2001. – №2. – С. 21–43.
 25. Солдатова Г., Макачук А. Может ли «другой» стать другом? Тренинг по профилактике ксенофобии. – М.: Генезис, 2006.
 26. Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А., Шарова О.Д. Жить в мире с собой и другими: тренинг толерантности для подростков. – М.: Генезис, 2000.
 27. Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А., Калинин В.К., Кравцова О.А. Психологическая помощь мигрантам: травма, кризис идентичности, смена культуры. – М.: Смысл, 2002.
 28. Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А., Макачук А.В. Тренинги по повышению межкультурной компетентности. – М.: МГУ, 2005.
 29. Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А., Макачук А.В., Хухлаев О.Е., Щепина А.И. Позволь другим быть другими: тренинг толерантности для подростков по преодолению ксенофобии. – М.: МГУ, 2002.
 30. Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А., Макачук А.В., Щепина А.И., Лютая Т.А. Разные, но равные: большие психологические игры. – М.: МГУ, 2004.
 31. Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А., Шляпников В.Н. Психологические последствия террористического акта: опыт Беслана // Психологический журнал. – 2008. – Т. 29. – №6. – С. 15–25.
 32. Тарабрина Н.В., Петрухин Е.В. Психологические особенности восприятия и оценки радиационной опасности // Психологический журнал. – 1994. – Т. 15. – №1.
 33. Федеральный закон Российской Федерации от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».
 34. Федеральный закон РФ «О противодействии экстремистской деятельности». — [Электронный ресурс.] – Режим доступа: <http://www.referent.ru>
 35. Халперн Д. Психология критического мышления. – СПб: Питер, 2000.
 36. Хараш А.У. Гуманитарная экспертиза в экстремальных ситуациях: идеология, методология, процедура // Введение в практическую социальную психологию. – М.: Смысл, 1996. – С. 86–129.
 37. Abu-Raiya H., Pargament K.I., Mahoney A. Examining coping methods with stressful interpersonal events experienced by Muslims living in the United States following the 9/11 Attacks // Psychology of Religion and Spirituality. – 2011. – Vol. 3. – №1. – Pp. 1–14.
 38. Atkinson R.L., Atkinson R.C., Hilgard E.R. Introduction to psychology. – V.2– N.Y.: Harcourt Brace Javanovich Publ., 1983.
 39. Caracci G. Cultural and contextual aspects of terrorism // The psychology of terrorism: theoretical understandings and perspectives. – 2002. – Vol. 3.
 40. Durrant R. Collective violence: an evolutionary perspective // Aggression and Violent Behavior. – 2011 (in press).
 41. Everstine D.S., Everstine L. The trauma response. Treatment for emotional injury. – V. 3. – N.Y.: Norton, 1993.
 42. Hoffman B. Inside terrorism. – N.Y.: Columbia University. Press, 1998.
 43. Horgan J. The psychology of terrorism – London: Cass Publications, 2005.
 44. Jenkins B. International terrorism. – 1975.
 45. Jenkins B.M. Terrorism and beyond: a 21st century perspective // Studies in Conflict and Terrorism. – 2001. – 24. – Pp. 321–327.
 46. Kahana E., Kahana B., Harel Z., Rosner T. Coping with extreme trauma // Wilson J.P., Harel Z., Kahana B. (eds.) Human adaptation to extreme stress. – V. 7. – N.Y., L.: Plenum Press, 1988. – Pp. 55–79.
 47. Keum H., Hillback E.D., Rojas H., Zuniga de H.G., Shah D.V., Mcleod D.M. Personifying the Radical – how news framing polarizes security concerns and tolerance judgments // Human Communication Research. – 2005. – № 31(3). – Pp. 337–364.
 48. Magomed-Eminov M. Posttraumatic stress disorders as a loss of the meaning of life // State of mind / Eds. by D. Halpern, A. Voiskynsky. – Oxford University Press, 1997.
 49. McCauley C. Psychological issues in understanding terrorism and the response to terrorism // Stout C.E. The psychology of terrorism: theoretical understandings and perspectives. – V. 3. – 2002.
 50. Padela A.I., Heisler M. The association of perceived abuse and discrimination after September 11, 2001, with psychological distress, level of happiness, and health status among Arab Americans // American Journal of Public Health. – February 2010. – V. 100. – №2.
 51. Perl R.F. Terrorism, the media, and the government: perspectives, trends, and options for policymakers. – [Электронный ресурс.] – Режим доступа: <http://www.fas.org/>
 52. Perl R.F. Terrorism and national security: issues and trends // Congressional Research Service. – 2006. – Mar.
 53. Redlick A.S. The Transnational flow of information as a cause of terrorism // Terrorism: theory and practice. – 1979.
 54. Schmid A. Political terrorism: a research guide to concepts, theories, data bases and literature. – New Brunswick, NJ: Transaction Books, 1983.
 55. Volkan V. Bloodlines: from ethnic pride to ethnic terrorism. – N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 1997.
 56. Volkan V. Traumatized societies // Violence or dialogue? Psychoanalytic insight on terror and terrorism. – London: International Psychoanalytic Association. – 2003. – Pp. 217–237.
 57. Volkan V. Traumatized societies and psychological care: expanding the concept of preventive medicine // Mind and human interaction. – 2000. – [Электронный ресурс.] – Режим доступа: <http://www.healthsystem.virginia.edu>
 58. Wills T.A. Help-seeking as a coping mechanism // Snyder C.R., Ford C.E. (eds.) Coping with negative life events: clinical and social psychological perspectives. – N.Y., L.: Plenum Press, 1987. – Pp. 19–50.
 59. Zinchenko Y.P. Psychology of safety and resistance to terrorism // Psychology in Russia: state of the art / Ed. by Zinchenko Y., Petrenko V. – Moscow: Department of psychology MSU & IG-SOCIN, 2008. – 388 p.